

РЕЦЕНЗИИ

DOI <https://doi.org/10.31912/rjano-2020.1.14>

Н. Б. МЕЧКОВСКАЯ

Белорусский государственный университет
(Минск, Белоруссия)
nina.mechkovskaya@gmail.com

И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. Либеральный лексикон. —
СПб.: Нестор-История, 2019. — 184 с.

1. Книга «Либеральный лексикон» (далее — «Лексикон») известных московских лингвистов И. Б. Левонтиной и А. Д. Шмелева содержит ряд очерков о лексико-фразеологическом выражении ключевых понятий либерального дискурса. Рассмотрено шесть групп (или гнезд) таких обозначений, объединенных вокруг следующих понятий: 1) права человека, свобода, воля, либерализм, либерализация, либертарианец; 2) толерантность, терпимость, плюрализм; 3) частная собственность, приватизация; 4) демократия, народовластие; 5) справедливость, законность, честность; 6) гражданин, мещанин, бюргеры, буржуа, обыватели. Для слов каждого гнезда показаны их основные семантические, словообразовательные и фразеологические дериваты; особенности употребления в современном языке и отчасти в истории; показан диапазон трактовок и оценок понятий «Лексикона» в разные века и в разных слоях общества.

2. О предисловии Александра Архангельского «Язык перемен и перемены в языке»¹. Предисловие помещает «Лексикон» в круг более широких и острых проблем, которых сознательно не касаются И. Б. Левонтина и А. Д. Шмелев. Это, во-первых, вопрос о том, насколько органичны для русской ментальности феномены либерализма, и, во-вторых, вопрос о власти языка над обществом («языковой детерминизм», в терминологии автора) и о воздействии общества на язык («языковой конструктивизм»). Имитируя спор «либералов» и «тоталитаристов» (или, в ином варианте терминов, «прогрессистов» или «традиционалистов»), А. Н. Архангельский намеренно создает пропасть между словами *толерантный* и *терпимый* — заимствованное слово он представляет более «ученым» и сложным: «быть толерантным значит признавать ценностное равенство любых идей и принципов, поддерживать релятивизм»², а значение исконного слова понижает ценностно: «проявлять терпимость значит просто терпеть чужие ошибки, соблюдая верность единственной и

¹ А. Н. Архангельский, литературовед с ученой степенью и автор книги об Александре И. профессор факультета медиакоммуникаций Высшей школы экономики, известен также как автор, ведущий и руководитель программы «Тем временем. Смыслы» (телеканал «Культура»), председатель ассоциации «Свободное слово», связанной с Международным ПЕН-Клубом.

² Ср. значение слова *толерантный* по [Кузнецов 2001: 1327]: «терпимый к чужим мнениям, поведению и т. п.».

неделимой истине»³. И далее: «С точки зрения прогрессистов это плохо, с точки зрения традиционалистов хорошо, но и те и другие сходятся во мнении, что наш язык а) отторгает толерантность, отказывается принять его в свои духовные объятия, б) как бы диктует нам иной цивилизационный выбор» (с. 6). Так А. Н. Архангельский демонстрирует неакадемическую остроту проблематики «Лексикона».

А. Н. Архангельский пишет о двух крайних взглядах на взаимоотношения языка и общества: «тотальный языковой детерминизм» (язык управляет сознанием людей) и «тотальный же языковой конструктивизм» (язык управляем: «мы знаем примеры того, как в обозримые сроки ему навязывали новые значения, новые слова, новые обороты. И тем самым меняли сознание общества», с. 6–7). Сторонники второго взгляда ссылаются на книгу Виктора Кремпера «Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога» (1947; рус. перевод: М., 1998), на «злые наблюдения Ивана Бунина в “Окаянных днях”» (1920), на «язвительные реплики Лидии Чуковской в повести “Спуск под воду”» (1972), на положительный (по оценке А. Н. Архангельского) опыт реформы чешского языка в XIX в., а также на возрождение иврита (с. 7). Однако здесь А. Н. Архангельский, на мой взгляд, преувеличивает «языковой детерминизм» и «языковой конструктивизм», смешивая язык с идеологией и пропагандой, а цензурированный словарь и пропаганду — с языковым и обыденным сознанием народа.

Между тем в нормативном словаре (вместе с производными от него словарями и учебниками по языку для школьников и иностранцев), во-первых, невозможно видеть ни общую для всех говорящих авторитетную инстанцию речи, ни камертон, ни образец. Нормативный академический словарь открывают — да и то нечасто, «по случаю» — учитель и редактор, большинство же говорящих просто не знает о его существовании. Для них речевой камертон и образец дан в речи «классово близких» авторитетов — на экране и в жизни. В речевой практике современников сосуществует множество речевых узусов, в разной степени отдаленных от норм академических словарей и грамматик.

Во-вторых, идеология и пропаганда в самые злые времена отнюдь не всевластны, при этом особенно далеки от них не конкуренты и оппоненты власти, но те слои населения, которых называют «простыми людьми», — минимально втянутые в политику и идеологию и привыкшие к повседневной мимикрии под лояльных к власти обывателей.

В-третьих, следует принять во внимание уровневое строение не только языка, но и общественного (коллективного) сознания: как в языке значение производного слова хотя и мотивировано его словообразовательными компонентами, однако не сводимо к их «сумме», как содержание высказывания (предложения) не сводимо к сумме значений слов и грамматической семантике в его структуре, так и содержание обыденного сознания говорящих (т. е. концепты обыденной картины мира), несмотря на языковую оболочку своего основного выражения, не сводится к языковой семантике (т. е. системе значений слов, фразем и грамматических категорий). В отличие от языкового «детерминизма» и «конструктивизма», а также от вопроса о влиянии нормативных словарей и грамматик на коммуникативную практику современников, вопрос о содержательных различиях между языковой семантикой и обыденным сознанием для авторов «Лексикона» не только актуален, но и

³ Между тем в общем языке *терпимый* — это «снисходительно относящийся к чужому мнению, обычаям, поведению и т. п.» [Там же: 1319].

не раз находит в книге свое практическое решение. По сути, это вопрос о содержательных границах языка, он важен и для лексикографии, и для общей семантики.

3. Авторский замысел и принципы работы представлены в книге достаточно полно. Свои задачи И. Б. Левонтина и А. Д. Шмелев видят в том, чтобы «прояснить словарь, используемый в либеральном дискурсе» (с. 12), при этом соавторы подчеркивают, что «речь идет именно о свойствах языковых выражений и их реальном использовании в русской речи, причем в текстах самых разных авторов, придерживающихся весьма различных взглядов» (с. 10). Для авторов «Лексикона» было «чрезвычайно важно опираться на представления, которые более или менее разделяются всеми носителями языка» (с. 12). Авторы «старались избегать сугубо специальных контекстов, где выражения понимаются в особом смысле, в котором оно не используется за пределами той или иной группы текстов» (с. 13). Внимание авторов сосредоточено на значениях исследуемых слов «на уровне словаря» (этот оборот не раз повторяется в книге), а также на «фоновых компонентах значения, которые в обычных условиях не попадают в фокус внимания и потому не осознаются большинством говорящих. Ассоциации, связанные со словами, которые будут объектом рассмотрения, не обязательно возникают у всех без исключения носителей языка» (с. 14). При этом авторы обязуются «никоим образом не отражать наши собственные политические воззрения, тем более что они не во всем совпадают» (с. 10). В аспекте языка книга в известной мере нормативна: авторские рекомендации «касаются собственно языковых норм и могут быть адресованы всем носителям русского языка, старающимся говорить правильно, независимо от того, каких взглядов они придерживаются» (с. 10).

4. Насколько реалистичен замысел «Лексикона»? Методологические обязательства, сформулированные авторами, на мой взгляд, частично противоречат замыслу словаря и друг другу. Это противоречие не только не случайно, но и неизбежно: в нем сказался конфликт между двумя разными взглядами на роль языка в познании. Один взгляд восходит к В. фон Гумбольдту, согласно которому «в каждом языке заложено самобытное мирозерцание»; другой взгляд — это линия Ф. де Соссюра, с характерным для позитивизма и структурализма стремлением к строгому определению объекта исследования и отделению приоритетной «внутренней» лингвистики от сумбурной «внешней».

Гумбольдтианство склонно не отделять язык от тех идей и представлений, которые выражены «на языке» и «с помощью языка» — в грамматически оформленных высказываниях, составленных из слов. В результате смысловой потенциал языка и вербальное содержание культуры мыслятся слитно, как единое целое. В недавней истории ярким примером понимания языка и литературы как слитного целого может быть знаменитый доклад Д. С. Лихачева в Институте мировой литературы (1992) и написанная на его основе статья о концептах классической русской литературы: доклад и статья **о литературе** названы, однако, так, словно речь шла **о языковых** концептах: «Концептосфера русского языка» [Лихачев 1993].

До Ф. де Соссюра, еще в 1874 г., о границах языка размышлял А. А. Потебня и предлагал видеть в слове «две различные вещи, из коих одну, подлежащую ведению языкознания, назовем “ближайшим”, другую, составляющую предмет других наук, — “дальнейшим значением слова”. (...) Ближайшее значение народно, между тем дальнейшее, у каждого различное по количеству и качеству элементов, лично» [Потебня 1964: 146–147]. Так, одно из «дальнейших» значений слова *дерево* принадлежит ботанике (пример А. А. Потебни). Различение «ближайшего» и «даль-

нейшего» значений (впрочем, в разной терминологии: *обывательские* vs. *научные понятия* у Л. В. Щербы, *житейские* vs. *научные понятия* у Л. С. Выготского) стало важным принципом современной семантики. В «Лексической семантике» Ю. Д. Апресяна [1974: 6–7] он назван первым.

Во второй половине XX в. развитие представлений об уровне строения языка и других семиотических систем, о разнообразии научных картин мира (физической, биологической и т. п.) и (этно)языковых, об обыденном сознании (в отличие от научного, философского, художественного) привело к более точному пониманию места языковой семантики в структуре общественного сознания. Прежде бинарная оппозиция (лексическое значение vs. содержание научного понятия) становится многомерной. Осознается, в частности, различие между языковой семантикой и обыденным сознанием как более широким, содержательным и разнообразным пластом коллективного сознания, локализованного **за пределами языка** — в фольклоре⁴, в стереотипных житейских представлениях о людях и мире, в общепринятых оценках людей и явлений, в популярных клише из школьных хрестоматий, песен, кинофильмов, массмедиа, в лозунгах и слоганах, расхожих цитатах, анекдотах, пародиях и т. п.⁵ В Московской семантической школе Ю. Д. Апресяна обыденное знание и оценочные стереотипы, выходящие за пределы языковой семантики, трактуются как «наивно-энциклопедические сведения», «наивная энциклопедия», «культурные сведения» [Апресян (ред.) 2006: 60, 111, 727, 730].

Говоря о методе своего исследования «Образ человека по данным языка», Ю. Д. Апресян различает языковое значение и содержание ряда других форм сознания и при этом подчеркивает свое стремление не выходить за пределы именно языковой семантики: «“Образ человека” реконструируется исключительно на основании языковых данных. Мы в максимальной мере стремились к тому, чтобы это была именно “языковая” (а, например, не литературная, не общесемиотическая или общекультурная, не философская) картина человека» [Апресян 1995: 37]. Однако в более поздних работах [Апресян (рук.) 2004; Апресян (ред.) 2006] элементы «наивной энциклопедии» признаны допустимыми в интегральном лексикографическом представлении синонимов: во-первых, в интересах читателя/потребителя словаря — для полноты «портретирования» слов; во-вторых, в силу недостаточной разработанности методик разграничения в содержании слова, с одной стороны, собственно языковой семантики, а с другой — элементов «наивной энциклопедии» (т. е. феноменов обыденного сознания). Сложность связана с разнообразием этих отношений: некоторые «культурные сведения» могут принадлежать периферии семантики слова (т. е. находиться **в границах** языка), другие — **на границе**; у третьих эта граница между семантикой и прагматикой оказывается неуловимой или размытой⁶.

⁴ Содержательные различия между двумя ближайшими формами коллективного сознания — языком народа и его фольклором — хорошо видны при сопоставлении семантики фразем (т. е. фактов языка) и пословиц (факты фольклора) на «одну и ту же тему», например «молодость — старость» или «правда — ложь». См. опыты такого сравнения в [Мечковская 2005; 2008]; подробнее о языковой картине мира и ее месте в структуре коллективного сознания см. [Мечковская 2017].

⁵ О клишированных единицах обыденного сознания можно судить по таким изданиям, как [Душенко 1997].

⁶ О том, насколько тонким должно быть решение, говорит тот факт, что одноименный признак (например, ‘большой’ или ‘маленький размер’) в одних словах является компонен-

Что касается «Лексикона», то, судя по всему, замысел авторов был не в демонстрации лингвистического реализма и методичности (это доступно и несложно), но именно в том, чтобы, наблюдая политическую жизнь языка, объединить лингвистические антиномии: коллективное и индивидуальное, современность и историю, объективное и оценочное, узус и прескрипцию.

Жанрово-тематическое своеобразие книги определяется тем, что это, во-первых, лексикон, организованный словником, и поэтому его «главы» — это толкования ряда слов-понятий. Во-вторых, это книга об идеологических и политических понятиях, значимых для нескольких веков российской истории, но в основном для XIX–XXI вв. В этом качестве «Лексикон» сопоставим с такими книгами, как «Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции» Н. А. Купиной [1995], «Толковый словарь языка Совдепии» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной [1998], «Д. С. П.: Материалы к русскому словарю общественно-политического языка XX века» Г. Ч. Гусейнова [2003], «Словарь современного жаргона российских политиков и журналистов» А. В. Моченова и др. [2003]. У «Лексикона», в отличие от названных изданий, количество толкуемых лексем в десятки раз меньше, он более узок по тематике (особенно в сравнении со словарем В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной), однако содержание понятий раскрывается в нем в десятки раз полнее и более терминологично, чем в толкованиях лексем в названных словарях. «Лексикон» показывает, как из «ближайших» значений слов развивались «дальнейшие», нередко спорящие друг с другом.

Несмотря на слово *лексикон* в названии книги, по содержанию она ближе не к словарю, а к таким работам, как книга Р. И. Будагова «История слов в истории общества» [1971]: это собрание неспешных и композиционно несходных между собой лингвистических характеристик слов-ключей, входящих в одно общезначимое смысловое поле.

5. Либеральная идея. Она представлена в самом крупном разделе «Лексикона» и самым большим числом лексем и фактов из истории русского либерализма. В отличие от радикальных движений, у которых, как правило, один фронт (пусть и с оттенками), либерализму всегда доставалось и «справа» и «слева», и из обоих станов едва ли не одновременно звучали голоса и «Pro» и «Contra». Как отмечают авторы, понятие «права человека» до сих пор нередко подвергается сомнению и отчуждению, сопровождаясь определением *так называемые* (с. 33). Поэтому для поддержки либеральной идеи так важно показать, как давно и глубоко укоренились в русском языке слова с корнем *прав-*: *правда, право, правильный, правило, справедливость, правдоискатель*; как высоко ценит народное сознание понятия «правда», «право», «человек», «свобода». И это факты именно общего русского языка — «ближайшие» значения (в смысле А. А. Потебни) общепонятных лексем. Помогая читателю, авторы «Лексикона» сопоставляют почти синонимические словосочетания с ключевыми словами либерализма и мастерски показывают различия между ними: «*Право делать что-то и свобода делать что-то* — близкие, но не тождественные понятия. *Свобода* — это состояние человека, физическое или душевное, и оно непосредственно ощущается как отсутствие стеснений. *Право* же — это не состояние, а некая санкция, лицензия, отсутствие запрета на то или иное действие» (с. 23).

том их семантики (*океан, букашка*), а по отношению к другим словам — это просто ситуативные определения соответствующего предмета (*большой/маленький муравей*). О возможном решении см. [Урысон 2006: 730–731].

Что касается «дальнейших» значений, то они отнюдь не узуальны и не общеизвестны, ведь либерализм в России не был и не является массовой идеологией. Одно из таких смысловых расхождений связано с разным пониманием воспроизводимого оборота *права человека*. Оборот у всех на слуху, он кажется общепонятным и даже вошел в беспросветные по горечи стихи Владимира Соколова (1988)⁷. Однако его нет в статье *Право* в таких словарях общенародного языка, как [МАС] и [Кузнецов 2001]. Между тем оборот нуждается в определении: его значение не вытекает из значения компонентов. К чести национальной лексикографии, оборот *права человека* вошел в новейший словарь под редакцией Н. Ю. Шведовой; здесь термин хотя и дан в составе иллюстраций, однако дополнен определением, близким к дефиниции ООН: «*Права человека* (права личности; гражданские, политические и социально-экономические права и свободы: право на жизнь, на свободу и неприкосновенность личности, на равенство всех перед законом, на труд, на социальное обеспечение, на отдых, на образование и др.)» [Шведова 2008: 714]. Странно, что в «Лексиконе» значение термина *права человека* считается «интуитивно понятным», и он толкуется не юридически, а эмоционально и неполно, на основе реплик литературных персонажей: «*А права человека* — это не что-то отдельное, а просто права, которые определяются самим фактом принадлежности к роду человеческому» (с. 21–22).

Между тем понятие «права человека» еще не стало «интуитивно понятным» всем, кто владеет русским языком. Об этом свидетельствуют философско-теологические контексты, цитируемые в «Лексиконе» (с. 43). В 1911 г. Н. А. Бердяев писал, что свобода совести противоречит христианскому сознанию и означает «отсутствие и религиозной свободы и религиозной совести»; по представлениям П. И. Новгородцева (в 1917–1921 гг.), права человека, права свободы составляют «жизненное содержание эгоистического человека».

Противоречие между «дальнейшим» (юридическим) значением термина *права человека* и религиозными ценностями сказались в марте 2016 г. во внезапном и остром идеологическом конфликте между патриархом Московским всея Руси Кириллом и мировым общественным мнением. В храме Христа Спасителя в праздничной проповеди патриарх обвинил современный мир в том, что для него критерием истины стал не Бог, а человек и его права. В результате, говорил Кирилл, «началось революционное изгнание Бога из человеческой жизни, из жизни общества»; движение сначала охватило Западную Европу, Америку, а затем и Россию. Интернет и СМИ, цитируя патриарха Кирилла, сообщали, что он призвал к защите веры от «глобальной ереси человекопоклонничества» и «объявил ересью права человека».

Скандал утих, но конфликт между ценностями «Декларации прав человека» и религиозными ценностями сохраняется. Однако в этом конфликте нельзя видеть, вопреки авторам «Лексикона», простое непонимание «на уровне словаря» (с. 43). Это спор именно между разными «дальнейшими» значениями оборота *права человека*, выходящими за пределы нормативного словаря в сферы глубоко различных идеологий.

Более сложная и запутанная картина вырисовывается со словами *либерал*, *либеральный*, *либерализм*. И. Б. Левонтина и А. Д. Шмелев констатируют, что эти слова в сознании многих имеют отрицательную окраску, причем как у противников ли-

⁷ *Я устал от двадцатого века, / От его окровавленных рек. / И не надо мне прав человека, / Я давно уже не человек.*

берализма и демократии, так и у сторонников свобод и прав. «Диапазон отрицательных компонентов значения может быть весьма велик: как беспринципность, так и, наоборот, неготовность к компромиссам, как сервилизм, так и ненависть к власти и “подрывная работа”» (с. 83). Отрицательные оценки либерализма у сторонников демократии авторы объясняют с предельной для политологии точностью: «тот факт, что эти слова апеллируют к смягчению ограничений, осуществляемому властью, и тем самым не предполагают радикальных изменений, инициируемых обществом, привел к тому, что эти слова оказались под подозрением в рамках революционно-демократического и вообще прогрессистского дискурса» (с. 84).

Поэтому, советуют авторы, использовать эти слова следует осторожно и не злоупотреблять ими, понимая, что они могут вызвать недоразумение (с. 83). «Тем не менее эти слова составляют естественное гнездо для ключевого понятия ‘свобода’, и других подходящих кандидатов на эту роль не видно. Поэтому вполне можно использовать слово *либеральный* и родственные слова, при этом актуализуя этимологическую связь с идеей свободы, например: *либерал* (т. е. сторонник свободы), *либеральный* (т. е. направленный на уменьшение несвободы) и т. п.» (с. 84).

В «Лексиконе» слова *либерал*, *либеральный*, *либерализм* нередко обсуждаются слитно, все сразу. Например, говорится, что «еще одна проблема слова *либерализм* состоит в том, что его значение постоянно размывается» (с. 82), однако во всех пяти примерах «размывания» фигурирует слово *либерал*, а не *либерализм*. Между тем у однокоренных слов с разной категориальной семантикой судьбы могут быть достаточно разные. Слово *либерализм*, в той степени, в какой оно выступает в качестве термина, может вообще употребляться безоценочно. Что касается существительного *либерал* и прилагательного *либеральный*, то их семантика и прагматика в значительной мере автономны. Прилагательному не свойственна та целостность в определении предмета одним словом и та категоричность, которые присущи субстантивному обозначению лица (ср. *либерал* и *либеральный политик*). Характерно, что в Национальном корпусе русского языка (далее — НКРЯ) из 20 контекстов XXI в. со словом *либерал* (но не *либерал-демократ*) четыре негативны⁸, а три носят метаязыковой характер (что отражает ощутимую неопределенность семантики слова)⁹, между тем 20 контекстов с прилагательным *либеральный* все или позитивно-нейтральны (иногда чуть ироничны¹⁰), или их оценочность связана с другим компонентом высказывания¹¹.

Как показывает «Лексикон», политический смысл слова *либерал* был размытым еще в XIX в. В современном языке его расширительное неополитологическое и в целом позитивное значение (‘Человек, терпимо, снисходительно относящийся к кому-, чему-л.’ [Кузнецов 2001: 44]), возможно, становится основным (во всяком случае, в цитированном словаре оно дано на первом месте). «Размытость» полити-

⁸ Два примера из основного (1) и устного (2) подкорпуса: 1) *Я верующий, а он агностик, он либерал, а я-то другой. Он мой враг*; 2) *мужчина-инженер: Не либерал / а предатель и преступник*.

⁹ Женщина-диспетчер: *Очень многие / простите / говорят / употребляют слово либерал и демократ / не понимая / что за ними стоит*.

¹⁰ ... а слева — какой-нибудь зажигательный *либеральный* литературный публицист.

¹¹ И. Хакамада, политик: *Так и слышу Максима Соколова с Первого канала / эти вишневые либералы вместо того / чтобы исповедовать сильные либеральные лозунги...*

ческого употребления слова *либерал*, прежде всего у «патриотов-традиционалистов», связана с тем, что им не в полной мере известно «ближайшее» значение слова *либерализм* в русском языке и, соответственно, значение его деривата *либерал* — хотя бы «на уровне словаря». Поэтому в речи противников либерализма слово *либерал* — нередко просто бранный и «ученый» ярлык для непонятого и чуждого. Это именно тот случай, когда «Лексикон» И. Б. Левонтиной и А. Д. Шмелева предстает как нормативное руководство: речь рекомендуется строить из понятных слов.

6. «Толерантность и плюрализм»: моральные границы. В разделе, кроме главных слов, рассмотрены такие лексемы и сочетания слов: *терпимость* (и *терпеть*, *терпение*), *широта* и *узость* *взглядов* и *широта души*, *примирение* (и *примиренческий*, *примиренчество*), *смирение*, *соглашатель* и *соглашательство*, *компромисс* и *бескомпромиссный*, *инакомыслие*, *плюрализм*, *плюрализм мнений* и солженицынское *наши плюралисты*.

Лингвистические аспекты этой группы («ближайшие» значения «на уровне словаря») в целом не сложны. Авторы отмечают некоторую залоговую парадоксальность генезиса прилагательного *терпимый*: «восходя по форме к пассивному причастию (ср.: *Эти явления не могут быть терпимы*), указанное слово в основном используется для обозначения активной установки субъекта, мирящегося (или не мирящегося) с негативными явлениями» (с. 89). Точно определено денотативное различие между словами *толерантность* и *терпимость*, что снимает спор о том, «нужно ли русскому языку слово *толерантность*, если есть исконное слово *терпимость*?»: «Независимо от того, как оценивается *терпимость* сама по себе, важно, что ее объект — это всегда нечто плохое. Поэтому слово *терпимость* не может считаться удачной заменой слова *толерантность*: терпимость к чужому образу жизни, к чужим обычаям намекает, что этот образ жизни или обычаи хуже наших и мы просто готовы их до поры до времени терпеть» (с. 90).

В поддержку слова *толерантность* добавлю еще несколько соображений: 1) *толерантность* — слово книжное, ученое, а это иногда добавляет веса написанному; 2) слово *толерантность* — важный интернациональный термин в ряде профессий¹², и, в силу междисциплинарной значимости, его употребительность и позитивная приемлемость будут расти; 3) у слова *терпимость* всё еще, пусть и не всерьез, есть ассоциат *дом терпимости*.

Однако тезис авторов «Лексикона» о том, что «оба слова: *толерантность* и *плюрализм* — оказались в значительной мере скомпрометированы как небрежным и неточным словоупотреблением, так [*пропущено* и. — Н. М.] сознательным искажением их смысла» (с. 85), на мой взгляд, нуждается в уточнении. «Сознательное искажение», более того, издевательство над приверженцами толерантности бесспорно присутствует в постсоветском бранном неологизме *толерасты* (примеры см. на с. 87). Большевицкий тоталитаризм еще в 1920-е и 1930-е гг. породил советизмы, в которых идеи примирения и согласия превращались в обвинения, за которым следовали приговоры: *примиренец*, *примиренчество*¹³, *примиренческий*, *со-*

¹² Понятие «толерантность» актуально в иммунологии (это утрата или ослабление способности организма к иммунному ответу), в фармакологии (привыкание к лекарству), в технике (допустимое отклонение; диапазон допусков).

¹³ Ср.: «Примиренчество. Замаскированный и один из наиболее опасных видов оппортунизма, стремящийся к соглашательству и примирению интересов пролетариата и буржуазии» (цит. по [Мокиенко, Никитина 1998: 476]).

глашатель, соглашательство, соглашательский. Однако, что касается семантики давно существовавших слов *терпимый, терпимость*, как и более поздних *толерантный, толерантность, плюрализм, плюралистический*, то у них менялись не «ближайшие» (словарные) значения, а их «дальнейшие» значения, иначе говоря, это не лексико-семантические процессы: происходило этическое, философское, богословское, психологическое развитие, осмысление и переосмысление идей и понятий, связанных с данными словами. Однако это и не политическая полемика, но поиски именно моральных, духовных ориентиров и решений. Такова природа плюрализма, и она определяет глубокое различие между государством и людьми в их отношениях к плюрализму. Эту особенность, осознанную в раннем христианстве, диакон Андрей Кураев формулирует так: «У людей должно быть право на несогласие, на дискуссии, на резкую оценку противоположных взглядов. Но государству не следует вмешиваться в эти споры» (с. 91).

На страницах о толерантности и плюрализме, по сравнению с другими разделами «Лексикона», более всего говорится о моральных дилеммах, стоящих перед человеком и обществом. И. Б. Левонтина и А. Д. Шмелев показывают, причем не в пересказах (всегда «чреватых»), но документально, по первоисточникам, как, в каких словах искали ответы на эти вопросы люди, воплотившие в себе ум и совесть народа.

Грань между «всемирной отзывчивостью» и «широкой совестью» страстно искал Ф. М. Достоевский, понимая, как «*широкий*» человек может легко перейти эту черту. «Широкость ли это особенная в русском человеке... или просто подлость?» — задается вопросом герой «Подростка» (с. 91). Об опасности плюрализма в морали писал А. И. Солженицын (1982): «“Плюрализм” как принцип деградирует к равнодушию, к потере всякой глубины, растекается в релятивизм, в бессмыслицу, в плюрализм заблуждений и лжей» (с. 102). А. И. Солженицын был согласен с мыслью Л. К. Чуковской «о невозможности и пагубности “плюралистического человека”» (с. 103).

И. Б. Левонтина и А. Д. Шмелев пластично и в разных аспектах показывают, как трудно, с какими опасными заблуждениями в начале горбачевской перестройки входила в сознание людей идея плюрализма. В советское время «основной полемической стратегией была ссылка на мнение коллектива. Аргумент: *Это не только мое мнение* — работал почти безотказно. С перестройкой же **первое, что было ухвачено** [выделено мной. — Н. М.], — это понятие *плюрализма мнений*. И теперь уже таким же универсальным ответом на любые возражения в споре стала фраза: *Это мое мнение*. При этом замечательно, что многие воспринимают право иметь собственное мнение как право делать безответственные заявления. (...) Даже в научной полемике люди часто реагируют на возражения возмущенной фразой: *Но ведь могут же быть разные мнения!* Ситуация усугубляется тем, что на несформированность в России культуры разномыслия наложилась “западная” мода на постмодернизм» (с. 107). В итоге, констатируют авторы, и «сейчас», т. е. в 2019 г., свобода мнений — это та «либеральная ценность, которая чрезвычайно трудно приживается на российской почве» (с. 107).

Подчеркивая этическую глубину проблемы и ее важность для общества и особенно для науки, авторы «Лексикона» стремятся донести до читателя тревогу А. А. Зализняка, вызванную опасностью, которая связана с искажением понятия «свобода мнений». «Происходит подмена: идея, что любое мнение ценно, подменяется идеей, что все мнения ценны одинаково. Любой может решить, что вся нау-

ка всегда заблуждалась, придумать свою теорию чего угодно, а если с ним начать спорить, то он скажет, что это, мол, у вас тоталитарное мышление, а нужен *плюрализм мнений*» (с. 107–108).

Завершая обсуждение темы «Свобода мнений и истина в науке», авторы приводят почти полностью заключительную часть выступления А. А. Зализняка во время церемонии вручения ему литературной премии имени Александра Солженицына в 2007 г. Но не цитируют стоический финал речи. Вот он: «Я не испытываю особого оптимизма относительно того, что вектор этого движения [доведенного до абсурда стремления к плюрализму. — Н. М.] каким-то образом переменится и положение само собой исправится. По-видимому, те, кто осознаёт ценность истины и разлагающую силу дилетантства и шарлатанства и пытается этой силе сопротивляться, будут и дальше оказываться в трудном положении плывущих против течения. Но надежда на то, что всегда будут находиться и те, кто все-таки будет это делать»¹⁴.

При употреблении слов семантической группы «Толерантность и плюрализм» авторы «Лексикона» рекомендуют быть осмотрительным и готовым к неожиданным негативным реакциям. Поэтому полезно отмечать связь *толерантности* и веротерпимости; во многих случаях уместнее говорить о *великодушии*, *неосуждении*, *способности к диалогу*, *стремлении к взаимопониманию* (с. 96). Что касается возможности функционирования слова *плюрализм* в качестве одного из ключевых терминов либерального словаря, то такая перспектива сталкивается с рядом проблем. У части интеллигенции слово всё еще отзывается неприятием «западного» релятивизма и равнодушия, ведущих к отказу от защиты своих убеждений и веры. В глазах широкой публики слово *плюрализм* связано со стрессами горбачевской перестройки. Всё это мешает ему стать ключевым термином либерального дискурса. «Между тем, — пишут авторы, — само стоящее за ним понятие чрезвычайно важно для противодействия “введению единомыслия” в России — а этот проект снова набирает обороты. Однако, как кажется, лучше использовать для выражения этой идеи языковые средства, не столь жестко связанные с конкретным историческим периодом: *свобода мнений*, *разнообразие*, *диалог*, *взаимопонимание*. При этом полностью исключать слово *плюрализм* из словаря никакой необходимости, конечно, нет» (с. 109).

Слова *толерантность*, *терпимость*, *плюрализм*, *собственное мнение*, *широта* (или *узость*) *взглядов*, *свобода мнений* принадлежат не только политическому лексикону, но общей лексике литературного языка. Они часто оказываются в эпицентре назревших, но нерешенных и, может быть, неразрешимых вопросов. В повседневных разговорах они почти всегда соседствуют с разногласием, а иногда и вызывают его. **Об одном и том же конфликте** и позиции в нем, допустим, Сергея, кто-то скажет, что *Сергей вынужден мириться*, а другой человек скажет, что *Сергей не способен помириться*, а третий — что *Сергей абсолютно нетерпим к чуждому мнению*, а четвертый — что *Сергей напрасно терпит*, и т. д. Потому что люди по-разному видят и оценивают то, что происходит с ними и вокруг. Зато следующая глава «Лексикона» — о терминах *частная собственность* и *приватизация*, — несмотря на наличие обидных для реформаторов гибридов *прихватализация*, *прихватазировать*, кажется территорией без идеологических конфликтов.

¹⁴ Цит. по: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/430463/430464_

7. Частная собственность и приватизация: ключевые слова переходной экономики. И. Б. Левонтина и А. Д. Шмелев рассматривают слова *частный* и *собственность* порознь, хотя сочетание *частная собственность* давно воспроизводимо (т. е. представляет собой фразему, пусть и неидиоматичную). Семантические и морфемные дериваты этих слов, приводимые в «Лексиконе», в целом вписываются в тот узус значений и употреблений, который представлен в академических словарях. Отмечу, впрочем, одно значение слова *частник*, выходящее за рамки словарного толкования 'торговец, имеющий свое дело; предприниматель' [Кузнецов 2001: 1468]: 'водитель собственного легкового автомобиля (в отличие от водителя служебной машины или такси); автомобиль (в ситуации на дороге), принадлежащий частному человеку'; возможно, однако, что это уже историзм: миллионы владельцев легковушек сейчас *частниками* не называют.

Отмечая слабую семантическую противопоставленность слов *частный* и *личный* (с. 115), авторы считают, что «самая большая проблема, связанная с осмыслением сочетания *частная собственность*, это различие между *частной* и *личной собственностью*» (с. 126). Думаю, однако, что в постсоветской жизни это различие стало неважным (даже «на уровне словаря»), хотя и сохраняется в сознании людей старших поколений, усвоивших его из советских учебников обществоведения для средней школы. При социализме *частная* и *личная собственность* четко различались идеологически, экономически и юридически: личная собственность допускалась¹⁵, а частная, как предпосылка для «эксплуатации человека человеком», порицалась и искоренялась. В ССРЛЯ [Т. 17: 778] определение оборота *частная собственность* сопровождалось цитатой из романа М. Горького «Мать» (также входившего в программу средней школы): «Мы — социалисты. Это значит, что мы враги частной собственности, которая разъединяет людей, вооружая их друг против друга»; МАС в обоих изданиях сохранил эту иллюстрацию. За исключением ССРЛЯ, советские толковые словари не содержали оборота *частная собственность*. В МАС [Т. 4: 655] у прилагательного *частный* в 4-м значении осторожно выделяется такой оттенок: 'связанный с владением личной собственностью, индивидуальным хозяйством и вытекающими отсюда общественно-политическими взаимоотношениями', и после двух безоценочных сочетаний — *частная торговля* и (не про советские реалии речь) *частное землевладение* — следует приведенная выше цитата из М. Горького. Зато во всех советских словарях лексема *частный* окружена однокоренными словами или дериватами с «неодобрительными» аффиксами и в «подозрительных» соединениях (*частнический*, *частнособственническая психология*, *ч. интересы*, *ч. настроения*), или с цитатами о борьбе, осуждении и искоренении того, что эти цитаты призваны пояснить. Ср. слова С. М. Кирова: «В 1932 г. мы, всемерно развертывая советскую торговлю, одновременно искореняем частника, перекупщика, спекулянта» [Мокиенко, Никитина 1998: 656].

В постсоветское время различие частной и личной собственности утратило свой репрессивный подтекст и стало неактуальным (во всяком случае, «на уровне словаря» и обыденного сознания). С другой стороны, появились новые категории и термины, связанные с различением видов собственности и экономических отноше-

¹⁵ Согласно справочнику 1988 г., «личная собственность — это собственность гражданина на предметы личного потребления, трудовые доходы и сбережения, а также некоторые средства производства, используемые в личном подсобном хозяйстве» [Мокиенко, Никитина 1998: 555].

ний между людьми. Многие экономические и смежные с экономикой юридические термины вошли в обиходный язык. Новые слова переходной экономики настолько бурно вторгаются в повседневное общение, что сразу же обрастают семантически, морфемными, фразеологическими дериватами. Ключевой термин *приватизация* здесь, естественно, впереди. Если академический словарь фиксирует его новые дериваты ([Кузнецов 2001: 971]: *приватизировать*, *приватизатор*, *приватизационный чек*, *приватизационный взнос*), то авторы «Лексикона» отмечают и более тонкие семантические изменения, в том числе экспрессивно-оценочные оттенки.

Важно, что эти инновации принадлежат общему языку, «ближайшей» семантике слов. Лексемы *приватизация* и *приватизировать* стали расширительно употребляться в значении ‘присвоить’, причем обычно неодобрительно. Встречаются и такие саркастически-парадоксальные сочетания, как *приватизировать Думу*, *приватизировать государство*, ср. пример из газетной статьи: «Нынешнее государство представлено не народом, а гигантской сворой безнаказанных, алчных чиновников, **приватизировавших** само государство» (с. 133). Слова режиссера Марка Розовского: «Плохо, если государство приватизирует театры», авторы «Лексикона» точно определяют как оксюморон (потому что государство может только *национализировать* чужую собственность); так режиссер выразил свой протест против стремления государства контролировать репертуар и идеологию театров, как это было в советское время (с. 134).

Замечу, что в разделе о частной собственности и приватизации «Лексикон», к сожалению, не выходит за границы «ближайших» (словарных) значений рассматриваемых слов. Говорю «к сожалению», потому что привлекательная просветительская черта «Лексикона» в том и состоит, что авторы показывают, как на прочной основе общепонятных значений под пером философов, писателей, политиков у слов развиваются и высвечиваются их специальные «дальнейшие» значения и семантические связи — такие, как раскрытая в других разделах книги близость плюрализма и релятивизма, как противоречие между категорией «права человека» и моральным авторитетом христианства, и др. Аналогичные «дальнейшие» компоненты содержания экономических терминов в «Лексиконе» не показаны.

Замечу также, что состав экономических терминов, значимых для либерализма, мог бы в «Лексиконе» быть шире. Либералы, как всякое политическое движение или партия, заинтересованы, во-первых, во всё более глубоком и полном «своем» (либеральном) осмыслении действительности и, во-вторых, в распространении идей и понятий либерального дискурса. Если «Лексикон» знакомит читателя с философско-религиозными аспектами понятия «права человека», если показывает оборотную сторону плюрализма или размытость понятия «справедливость», то почему бы не расширить также круг и либерально-экономических представлений? Например, показать, какие пропорции расходов делают федеральный бюджет либеральным, а какие — нелиберальным или антилиберальным; как соотносятся между собой либерализм и *экономическая централизация* и *децентрализация*. Многие известные (постоянно слышимые в СМИ и интернете) экономические категории имеют свои либеральное и антилиберальное (антирыночное) измерения. Думаю, «Лексикон» вполне мог бы включить такие, например, слова и обороты, как *либеральная экономика*, *экономический либерализм*, *либерализация налоговой политики*, *либеральные* и *антилиберальные решения в сферах финансов, банков, таможни* и др.

О том, насколько лингвистически и исторически ценно исследование в постсоветском языке экономической терминологии — для понимания либеральных перемен в языке и в жизни, — можно судить по разделу М. В. Китайгородской «Современная экономическая терминология» в составе первой постперестроечной коллективной монографии «Русский язык конца XX столетия (1985–1995)» [Земская (ред.) 1996]. Замечу, что в этой книге был только один раздел, в котором исследовалась именно тематическая группа терминов, — это раздел М. В. Китайгородской. В становлении рыночной экономики «как субъектно ориентированной» жизненной сферы автор видела «усиление личностного начала» и «диалогизации» общения [Китайгородская 1996: 167]. По сути, в экономическом языке тех лет были документированы процессы либерализации жизни.

8. Демократия, демократ(ы), демократический. Состав морфемных и семантических дериватов заглавных слов гнезда показан в «Лексиконе» в выдержках из разнообразных источников — здесь есть стихи и проза, протоколы и мемуары, исторические исследования, сообщения РИА Новости и даже надпись на стеле в память о погибших 20 августа 1991 г. Дмитрию Комаре, Владимире Усове и Илье Кричевском: «Защитникам демократии в России» (с. 150).

Для замысла «Лексикона» важно, что в разделе о демократии И. Б. Левонтина и А. Д. Шмелев пошли существенно дальше узусных значений ключевого слова и его дериватов. Вот некоторые из «дополнений» к словарному узусу: «Демократия не может считаться специфически либеральным концептом. Тем не менее для либерального дискурса это слово несомненно является одним из ключевых» (с. 138); значение слов *демократ*, *демократия* «весьма расплывчато и во многих случаях очень отдалено от исходной идеи народовластия» (с. 149); «За последние сто лет слово *демократия* “присваивалось” совершенно разными политическими силами и наполнялось различным пафосом» (с. 149); «Слово *демократ* не отсылает к либеральной части политического спектра, да и вообще едва ли ассоциируется с определенной его частью» (с. 151); «Слово *демократ* часто понимается в узком смысле — как противник коммунизма и сторонник перемен в СССР и затем России конца XX в.» (с. 151); слово *демократия* «по своему ассоциативному потенциалу тяготеет скорее к левой части политического спектра, в том числе оно остается ключевым для всех разновидностей коммунизма. В роли ключевого слова либерального лексикона оно недостаточно контрастно» (с. 151). К этим важным характеристикам концепта ‘демократия’ можно было бы добавить сведения о растущей на Западе критике демократии, причем критике в разных аспектах. Несомненно, что такого рода политологическая информация повышает просветительскую ценность «Лексикона».

9. Справедливость, законность, честность. Социальная справедливость. Особенность раздела о группе слов со значением ‘справедливость’ в том, что здесь суммируются важные межъязыковые наблюдения: русское слово *справедливость* сопоставляется с его соответствиями в трех европейских языках. По мысли авторов, рус. *справедливый*, «выражая идею, которая оказывается в каком-то смысле специфичной для русского языка, не имеет точных переводных эквивалентов в западных языках, в которых ему соответствуют слова, подчеркивающие, скорее, ‘законность’ (ср. франц. *juste*, англ. *just*), ‘честность’ (ср. англ. *fair*) или ‘правоту’ (ср. нем. *gerecht*)» (с. 152). Особенность русских представлений о справедливости в том, что они не развились в юридический концепт. Наоборот: они остаются в сфере чувствований, и с этим связаны их огрубление, «упрощенное, вульгарное

представление о *справедливости*» в ряде контекстов. «“Высшей справедливостью” тогда считается равновесие между добром и злом, которые сделал человек, и добром и злом, которые делают ему (если кто-то кому-то сделал нечто хорошее/плохое, то *справедливо*, чтобы и ему было хорошо/плохо); или же “торжество справедливости” приравнивается к восстановлению равенства» (с. 154). «Противопоставление *справедливости* и *законности*, которое на многих языках и выразить невозможно, для русского языка и самоочевидно, и необычайно существенно» (с. 156), при этом «в случае противоречия между законом и справедливостью в русской культуре непосредственное чувство на стороне справедливости» (с. 157).

Концепт ‘справедливость’, не прорастая новыми «дальнейшими» смыслами в области права, психологии или философии, остается в пределах «ближайших» значений лексем своего гнезда. При этом «*справедливость* рассудочна и плюралистична» (с. 154). «Человек может подробно обосновать, что ему представляется справедливым и почему, так как *справедливость* весьма рациональна и не обязательно обладает непосредственной очевидностью. Присущий *справедливости* релятивизм проявляется и в том, что зачастую с разных точек зрения *справедливыми* представляются противоположные вещи. Заметим, что именно этим свойством *справедливости* объясняется то, что это слово является типичным инструментом социальной демагогии» (с. 153).

Таким образом, в «Лексиконе» русский концепт ‘справедливость’ предстает как бесспорно положительное понятие или чувство (нередко даже «*страсть к справедливости*»), но этически безвекторное и интеллектуально недостаточное, отягощенное вязкой рассудочностью и многословием, к тому же компрометированное нередким демагогическим применением. Концепт «справедливость» сложнее, но и менее определен, чем «честность».

Что касается «социальной справедливости», то здесь «Лексикон» предупреждает своих читателей, что «выражение *социальная справедливость* пишут на своем знамени представители самых разных политических направлений» (включая в 1930-х гг. — национал-социалистов Германии, фашистов Италии, русских фашистов в эмиграции на Дальнем Востоке), но особенно характерна эта апелляция для левой риторики (с. 164). «Если партия называется “За справедливость” или “За социальную справедливость”, то едва ли кто-то предположит, что это партия либерального толка. (...) Более того, для некоторых радикальных либеральных течений, таких как либертарианство, *справедливость* вообще не является ориентиром» (с. 165).

10. Гражданин, мещанин, бюргеры, буржуа, обыватели. В последнем разделе «Лексикона» авторы представили историю слова *гражданин*, ключевого не только для либерального дискурса, но и для всей русской истории. Трудно сказать, есть ли в русской лексике другое такое слово-ключ и слово-символ, которое так зримо, детально и целостно отразило бы неровный бег и виражи политической истории народа и государства.

В разделе о слове *гражданин* и других лексемах русского словаря со сходной или близкой ономаσιологией (связанной со значением ‘город’) — *горожанин*, *мещанин*, *бюргер*, *буржуа*, *обыватель*, *житель* (а также их морфемных и семантических дериватах) — много говорится об истории: гражданской и истории языка, в том числе истории языковых контактов. По-видимому, авторам близка мысль о связи феномена города с идеей и практикой свободы. Свидетельств этой связи не-

мало: немецкий правовой обычай (с XI в.), закрепленный в пословице *Stadtluft macht frei* ('Воздух города делает свободным'); «имперские города» в Священной Римской империи и «вольные города» в разные времена и в разных землях Европы; этимология русского слова *слобода́*, ('поселение, свободное от княжеской, позже крепостной повинности'), метонимически связанного со словом *свобода*.

В «Лексиконе» представлена история «ближайших» и «дальнейших» значений слов поля 'гражданин'; детально — с датами, именами, выдержками из документов — показано, как Екатерина II внедряла слово *гражданин* в русское сознание и юридический язык и как император Павел искоренял это слово; что видел в понятии «гражданин» П. А. Столыпин и какие «контрреволюционные» смыслы навязывала словам *обыватель* и *мещанский* советская идеология. Написано об этом профессионально и увлекательно. Отмечу, однако, некоторые спорные моменты или неточности (возможно, вызванные стремлением писать кратко).

Неточно, что «слово *гражданин* образовано от церковнославянского обозначения города — *град*» (с. 166). Слово *гражданинъ* — не церковнославянское, а старославянское, т. е. более раннее, X–XI вв.; оно образовано путем калькирования греч. *πολίτης*, и в кирилло-мефодиевских рукописях оно означало 'гражданин, житель' [СтСл 1994: 177], удерживая значения греческого слова¹⁶.

Спору нет, когда соавторы, пишут, что «слово *политик* связано с греч. словом *полис*, которое означает 'город'» (с. 166). Но дальше следует что-то непонятное: «слово *политик* имеет происхождение, аналогичное слову *гражданин* (<...>). Собственно, это не случайное сходство: русское слово и было в этом значении калькой с греческого» (с. 166). В каком «в этом значении»? Неужели в значении 'политик' (как вытекает непосредственно из цитаты)? Или в политико-юридическом смысле? Тоже невероятно, потому что в древнерусской (не церковнославянской) письменности южнославянизм *гражданинъ* появляется в середине XV в., причем в значении 'горожанин' [СлРЯ XI–XVII, 4: 117–118]. В этом же значении по рукописям начиная с XIII в. известно и его восточнославянское соответствие — *горожанинъ* [Срезн., I: 559; СлРЯ XI–XVII, 4: 95]. У В. И. Даля в статье *гражданин* вначале дано значение 'городской житель, горожанин, посадский', а затем — более позднее юридическое значение: 'член общины или народа, состоящего под одним общим управлением; каждое лицо или человек, из составляющих народ, землю, государство' [Даль, I: 389]. В словаре Н. С. Араповой [2000: 85–86] современное значение слова *гражданин* определено как семантическая калька франц. *citoyen* (от *cit  * 'город'); его появление в русском языке относится к 1779–1790 гг.

Слово *гражданин* в значении 'городской житель, посадский' в первой четверти XIX в., по-видимому, ощущалось как торжественный синоним к слову *горожанин*¹⁷.

¹⁶ Греч. *πολίτης* — 1) гражданин; 2) согражданин, земляк [Дворецкий 1958: 1341]. Значение 'гражданин' И. Х. Дворецкий толкует с опорой на Аристотеля, у которого это понятие «определяется участием в судебной и государственной власти». В семантике греческого слова фактически присутствуют два значения: 'житель полиса, т. е. города (который является государством)' и политико-юридическое 'гражданин полиса, т. е. полноправный член государства (которое территориально равно городу)'.

¹⁷ Характерна надпись «Гражданину Минину и князю Пожарскому благодарная Россия» на памятнике в Москве (1818). Слова *гражданин* и *князь* указывают именно на сословную принадлежность героев.

Но у Тургенева в повести «Ася» (1858) такое употребление звучит уже несколько иронично: *На улице перед низкой оградой сада, собралось довольно много народа: добрые граждане городка Л. не хотели пропустить случая поглазеть на заезжих гостей* (пример из [ССРЛЯ, т. 3: 357]). Пафосное значение слова *гражданин*, связанное с «идеей борьбы за счастье отчизны», авторы «Лексикона» называют «революционно-демократическим», а его необыкновенную популярность в XIX в. объясняют влиянием Н. А. Некрасова (с. 168). Важно видеть, однако, и более ранние источники. Это, во-первых, «дней Александровых прекрасное начало...» (А. С. Пушкин) — общественный либеральный подъем в надеждах на молодого императора Александра I и на реформы комитета М. М. Сперанского. Во-вторых, это французское влияние, особенно в первой четверти XIX в. В годы Французской революции и наполеоновских войн обращение *citoyen* было таким же ярким знаком новой эпохи и национального подъема, как во время Октябрьской революции и в первые годы после нее слово *товарищ*. О чрезвычайной популярности в начале XIX в. слова *гражданин* говорят данные НКРЯ: за время между 1800 и 2014 гг. пик употребительности слова *гражданин* приходится именно на 1800–1802 гг. (судя по графику, примерно 75 вхождений на миллион словоформ, в то время как в 2014 г. — примерно 17 вхождений)¹⁸. У А. С. Пушкина слово *гражданин* (конечно, в разных значениях) употреблено 41 раз, прилагательное *гражданский* — 24 раза [СлП, I: 536–537].

Говоря об истоках пейоративного значения у слов *мещанин*, *обыватель* (ср. [Кузнецов 2001: 540]: *мещанин* (во 2-м значении): «Человек с мелкими, ограниченными интересами, узким кругозором; обыватель (2 зн.)»), авторы уверенно пишут, что «вообще коллизия борьбы с *мещанством* в русской культуре, безусловно, восходит к немецкому романтизму» (с. 177), называя в этой связи прежде всего Гофмана. Однако дворянское высокомерие по отношению к «третьему сословию» значительно старше, и это не только «Дон Кихот» и «Мещанин во дворянстве», но весь многовековой уклад феодализма. Советское третирование мещан было эксплуатацией интеллигентско-дворянских страхов перед «мещанской пошлостью», подключенных к идеологии тоталитарного государства (что с исчерпывающе полнотой и показано в «Лексиконе»).

Рассматривая слово *гражданин* в контексте земельной реформы П. А. Столыпина, И. Б. Левонтина и А. Д. Шмелев открывают замечательно сильное преобразование в «дальнейшем» содержании понятия *гражданин* и показывают, что в концепции реформы это новое понятие становится ключевым. «Я полагаю, — говорил в 1909 г. П. А. Столыпин, — что прежде всего надлежит создать **гражданина, крестьянина** — собственника, мелкого землевладельца, и когда эта задача будет осуществлена — **гражданственность** сама воцарится на Руси. Сперва **гражданин**, а потом **гражданственность**. А у нас обыкновенно проповедуют наоборот. Это великая задача наша — создание крепкого единоличного собственника — надежнейшего оплота государственности и культуры — неуклонно проводится правительством» (с. 170). Слово *гражданин* у П. А. Столыпина выступает вне прежних связей с *городом*, *горожанином*, с податным сословием. Напротив, П. А. Столыпин видит будущих *граждан* (как «оплот государственности и культуры») в крестьянах (т. е. в населении негородском, которое долгое время не включалось в число *граждан*). В замыслах П. А. Столыпина *гражданин* — это «крепкий единоличный

¹⁸ В эти же 1800–1802 гг. наблюдается пик для XIX в. в употреблении слова *свобода*.

мелкий собственник», а его частная собственность — это земля, на которой он работает как хозяин, и в этом основа гражданского общества, свобод, законности и прав человека. Так соединяются в целое основные понятия либерализма. На мой взгляд, это кульминация раздела о слове *гражданин* и, может быть, контрапункт всего «Либерального лексикона».

11. О либеральных ценностях лингвистики. Что касается авторского обязательства «никоим образом» не выразить «наши собственные политические воззрения», то это легкое лукавство: как специалисты по коммуникации, соавторы и сами прекрасно знают, что писать на (около)политические темы и при этом не выказать своих политических симпатий и антипатий невозможно. «Лексикон» написали либералы для либералов, включая потенциальных и подрастающих, и, конечно, для тех, кто стоит на политическом распутье.

Почему «Лексикон» И. Б. Левонтиной и А. Д. Шмелева именно либеральный, а не иной, например «социал-демократический» или «либертарианский»? Думаю, язык как предмет профессии воспитывает в человеке черты либерализма. Язык, эта «самодовлеющая, живущая по своим законам, величественная стихия» (А. М. Пешковский), учит ценить разнообразие, быть терпимым к инаковости и видеть, что многое мало зависит от воли людей.

В конечном счете «Либеральный лексикон» решает важную идеологическую задачу: в форме небольшой учебной книги (ведь «Лексикон» же!) он неназойливо, доходчиво и мягко (без нумерации параграфов, без жестких рубрик и правил в рамочках), но доказательно раскрывает основные понятия либерального дискурса, демонстрируя при этом гуманитарную, политико-экономическую и интеллектуальную привлекательность и доступность либерализма (а заодно и лексическую недостаточность оппонентов).

Показав семантическую широту и разноречивость либеральной лексики «на уровне словаря», авторы естественным образом выходят за границы «ближайших» значений лексики либерализма. По жанру книга И. Б. Левонтиной и А. Д. Шмелева — это именно отраслевой словарь, не только лингвистический, но и энциклопедический, и его подлинный предмет — это именно «дальнейшие» значения слов-терминов — специальные, индивидуальные, в том числе неожиданные и спорные. Что и естественно для идеологии в состоянии развития.

Сокращения

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. (Малый Академический словарь) / Ред. А. П. Евгеньева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984.

СлП — Словарь языка Пушкина: В 4 т. / Отв. ред. акад. В. В. Виноградов. М.: Изд-во АН СССР, 1956–1961.

СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. М.: Наука, 1975–2016.

Срезн. — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III. СПб., 1893–1912 [Факсимильное издание: И. И. Срезневский. Словарь древнерусского языка. М.: Книга, 1989].

ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965.

СтСл 1994 — Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков): Около 10 000 слов / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М.: Русский язык, 1994.

Л и т е р а т у р а

- Апресян 1974 — Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.
- Апресян 1995 — Ю. Д. Апресян. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.
- Апресян (рук.) 2004 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. 2-е изд., испр. и доп. М.; Вена: Языки славянской культуры; Венский славистический альманах, 2004.
- Апресян (ред.) 2006 — В. Ю. Апресян [и др.]. Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006.
- Арапова 2000 — Н. С. Арапова. Кальки в русском языке послепетровского времени. Опыт словаря. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000.
- Будагов 1971 — Р. И. Будагов. История слов в истории общества. М.: Просвещение, 1971 [2-е изд., доп. М.: Добросвет, 2000, 2004].
- Гусейнов 2003 — Г. Ч. Гусейнов, Д. С. П.: Материалы к русскому словарю общественно-политического языка XX века. М.: Три квадрата, 2003.
- Даль — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1978–1980 [репринтное издание 1880–1882 гг.].
- Дворецкий 1958 — И. Х. Дворецкий. Древнегреческо-русский словарь: Ок. 70 000 слов: В 2 т. / Под ред. С. И. Соболевского. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958.
- Душенко 1997 — К. В. Душенко. Словарь современных цитат. 4300 ходячих цитат и выражений XX века, их источники, авторы, датировка. М.: АГРАФ, 1997.
- Земская (ред.) 1996 — Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Отв. ред. Е. А. Земская. М.: Языки русской культуры, 1996.
- Китайгородская 1996 — М. В. Китайгородская. Современная экономическая терминология (Состав. Устройство. Функционирование) // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Отв. ред. Е. А. Земская. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 162–236.
- Кузнецов 2001 — Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2001.
- Купина 1995 — Н. А. Купина. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь: Изд-во Урал. ун-та, 1995. (2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015.)
- Лихачев 1993 — Д. С. Лихачев. Концептосфера русского языка // Известия РАН. 1993. Серия литературы и языка. Т. 52. Вып. 1. С. 3–9.
- Мечковская 2005 — Н. Б. Мечковская. Две картины мира: язык и обыденное сознание (информационная фактура, делимитация границ и стереотипов) // Wyraz i zdanie w językach słowiańskich. 5. Opis, konfrontacja, przekład. Wrocław, 2005. S. 227–238.
- Мечковская 2008 — Н. Б. Мечковская. Два взгляда на правду и ложь, или О различиях между языковой картиной мира и обыденным сознанием // Логический анализ языка: Между ложью и фантазией / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2008. С. 456–470.
- Мечковская 2017 — Н. Б. Мечковская. Философия языка и коммуникации. М.: Наука; Флинта, 2017.
- Мокиенко, Никитина 1998 — В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. Толковый словарь языка Совдепии. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. (2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ, Астрель, 2005.)
- Моченов и др. 2003 — А. В. Моченов, С. С. Никулин, А. Г. Ниясов, М. Д. Савваитова. Словарь современного жаргона российских политиков и журналистов. М.: ОЛМА-Пресс, 2003.

Потебня 1964 — А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике [1874] // В. А. Звегинцев. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. М.: Просвещение, 1964. Ч. I. С. 142–169.

Урысон 2006 — Е. В. Урысон. Семантика величины // Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 713–760.

Шведова 2008 — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов (82 000 слов и фразеологических выражений) / Отв. ред. акад. РАН Н. Ю. Шведова. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Изд. центр «Азбуковник», 2008.

Получено 26.11.2019

Nina B. Mechkovskaya
Belarusian State University
(Minsk, Belarus)
nina.mechkovskaya@gmail.com

[REVIEW OF:] IRINA B. LEVONTINA, ALEXEY D. SHMELEV.
THE LIBERAL LEXICON. —
ST PETERSBURG: NESTOR-HISTORY, 2019. — 184 P.

References

- Apresyan, Yu. D. (1974). *Lexicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka*. Moscow: Nauka.
- Apresyan, Yu. D. (1995). Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisaniia. *Voprosy jazykoznanija*, 1, 37–67.
- Apresyan, Yu. D. (Ed.). (2004). *Novyi ob"iasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka* (2nd ed.). Moscow; Vienna: Yazyki slavianskoi kul'tury; Venskii slavisticheskii al'manakh.
- Apresyan, V. Yu. et al. (Eds.). (2006). *Yazykovaia kartina mira i sistemnaia leksikografiia*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.
- Arapova, N. S. (2000). *Kal'ki v russkom yazyke poslepetrovskogo vremeni. Opyt slovaria*. Moscow: Moscow University Publishers.
- Budagov, R. I. (1971). *Istoriia slov v istorii obshchestva*. Moscow: Prosveshchenie.
- Dushenko, K. V. (1997). *Slovar' sovremennykh tsitat. 4300 khodiachikh tsitat i vyrazhenii XX veka, ikh istochniki, avtory, datirovka*. Moscow: AGRAF.
- Dvoretzky, I. Kh. (1958). *Drevnegrechesko-russkii slovar'* (Vols. 1–2). Moscow: Gos. izd-vo inostr. i nats. slovari.
- Guseynov, G. Ch. (2003). *Materialy k russkomu slovariю obshchestvenno-politicheskogo yazyka XX veka*. Moscow: Tri kvadrata.
- Kitaygorodskaya, M. V. (1996). Sovremennaiia ekonomicheskaiia terminologiiia (Sostav. Us-troistvo. Funktsionirovanie). In E. A. Zemskaya (Ed.), *Russkii yazyk kontsa XX stoletiiia (1985–1995)* (pp. 162–236). Moscow: Yazyki russkoi kul'tury.
- Kupina, N. A. (1995). *Totalitarnyi yazyk: slovar' i rechevyie reaktsii*. Ekaterinburg; Perm: Izd-vo Ural. un-ta.
- Kuznetsov, S. A. (Ed.). (2001). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka*. St Petersburg: Norint, 2001.

Likhachev, D. S. (1993). Kontseptosfera russkogo yazyka. *Izvestiia RAN. Ser. literatury i yazyka*, 52(1), 3–9.

Mechkovskaya, N. B. (2005). Dve kartiny mira: yazyk i obydennoe soznanie (informatsionnaia faktura, delimitatsiia granits i stereotipov). In M. Sarnowski, & W. Wysoczański (Eds.), *Wyraz i zdanie w językach słowiańskich. 5. Opis, konfrontacja, przekład* (pp. 227–238). Wrocław: Wydawn. Uniwersytetu Wrocławskiego.

Mechkovskaya, N. B. (2008). Dva vzgliada na pravdu i lozh', ili o razlichiiakh mezhdu yazykovoi kartinoi mira i obydenным soznaniem. In N. D. Arutyunova (Ed.), *Logicheskii analiz yazyka: Mezhdū lozh'iu i fantaziei* (pp. 456–470). Moscow: Indrik.

Mechkovskaya, N. B. (2017). *Filosofiia yazyka i kommunikatsii*. Moscow: Nauka; Flinta.

Mochenov, A. V., Nikulin, S. S., Niyasov, A. G., & Savvaytova, M. D. (2003). *Slovar' sovremennogo zhargona rossiiskikh politikov i zhurnalistov*. Moscow: OLMA-Press.

Mokienko, V. M., & Nikitina, T. G. (1998). *Tolkovyi slovar' yazyka Sovdepii*. St Petersburg: Folio-Press.

Uryson, E. V. (2006). Semantika velichiny. In V. Yu. Apresyan (Ed.), *Yazykovaia kartina mira i sistemnaia leksikografiia* (pp. 713–760). Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Shvedova, N. Yu. (Ed.). (2008). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka s vklucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov*. Moscow: Azbukovnik.

Zemskaya, E. A. (Ed.). (1996). *Russkii yazyk kontsa XX stoletii (1985–1995)*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury.

Received on November 26, 2019